

УДК 821.131.1

## РОМАНТИЧЕСКАЯ ИРОНИЯ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

© 2012 г.

*И.К. Полуяхтова*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

menshikova4@yandex.ru

*Поступила в редакцию 09.12.2011*

Рассматривается специфика романтической иронии в поэзии итальянских поэтов XIX века Джоаккино Белли, Джузеппе Джустини и Джакомо Леопарди. Утверждается мысль о том, что причудливый художественный мир итальянской романтической сатиры близок к современному художественному мышлению.

*Ключевые слова:* романтическая ирония, сатира, гротеск, итальянская поэзия.

Вольтер представлял иронию как мнимое восхваление. В его повести «Кандид» один из персонажей, философ Панглос, утверждал, что наша вселенная есть «лучший из миров», а самые события повести показывали обратное, читателю предстояло самому заметить сущность авторской иронии.

В эстетике романтизма вольтеровская формула выражения иронии изменилась, в работах Фридриха Шлегеля романтическая ирония понималась, прежде всего, как единство противоположностей, заложенных в едином явлении – «абсолютное тождество абсолютных антитез». Для Фридриха Шлегеля наша вселенная была одновременно и самым худшим и самым лучшим из миров, в этом скрывалась диалектика жизни. Ирония в эпоху романтизма обрела более широкий смысл и стала возможной в любом роде литературе, хотя по-прежнему оставалась господствующей в сатире.

В итальянской романтической поэзии сатира стала лейтмотивом в 30-е годы XIX века, в период нарастания волны национально-освободительного движения. Тогда выступают сатирики Джоаккино Белли и Джузеппе Джустини, к сатире обращается в эти годы и «скорбный» поэт Джакомо Леопарди.

В те годы Италия не была ещё единой и названные три поэта были друг для друга «иноземцами»: Белли был римлянин, Джустини – флорентийцем, а Леопарди жил в провинции Марке. Леопарди и Джустини писали на литературном языке, а он был единственным в Италии, и только Белли писал на римском диалекте. Самый знаменитый его сборник назывался «Римские сонеты», комические портреты жителей современного автору Рима – от папы до простых ремесленников. В одном из сонетов прозвучала ироническая формула «Anime morte» / «Мёртвые ду-

ши»; Балли упрекал своих соотечественников в отсутствии гражданского сознания. Это тождество антитез приближается к парадоксу. Формула Белли произвела впечатление на Н.В. Гоголя, знавшего «Римские сонеты» Джоаккино Белли.

Джузеппе Джустини называли итальянским Беранже. Е.Ю. Сапрыкина верно отметила, что это сравнение «хромеет»: Беранже называл свои стихи песнями, а Джустини именовал свои куплеты шутками, этот жанр был ориентирован исключительно на иронию [1]. Так, в шутке «Император Чурбан» Джустини прибегает к басенной традиции: в некоем стоячем болоте царствует кусок деревянного полена. Романтическая ирония Джустини была адресована малым княжествам Апеннинского полуострова, но как всякая романтическая ирония могла подходить и к большим государствам, утратившим разумные принципы правления. Ирония адресована не только глупому правителю, но и самому народу этой застойной страны. Закономерно, что присутствует аллегория, присущая басне, – страна называется болотом, а его обитатели малые звери:

*Лягушки и жабы,  
Вы робки и слабы:  
Не зря же вам дан  
Император-чурбан*

(Перевод А. Рогова) [2, с. 117].

*O bestie impotenti:  
per chi non ha denti,  
fatto a pennello  
un Re travicello!* [3, p. 133]

В оригинале название басни *Il Re Travicello* / «Король Чурбан», но переводчик не погрешил, превратив короля в императора, аллегорический смысл остается в силе.

Самоирония характерна для романтической поэзии. Лучшая поэма-шутка Джусты – *Lo Stivali / «Сапог»* построена на гротеске: перед нами исповедь старого, повидавшего виды Сапога, он же Италия. Сам Сапог повествует о своих бедах с грустью и юмором. И в этих бедах есть и его вина – слишком был безволен.

Сапог знал и лучшие времена: подразумевается античность и Возрождение, но после нагрянули пришельцы – и кого там только не было. Все тянули Сапог в разные стороны, поврали его в клочья. И вот в настоящем –

*Я весь лоскутный, вроде Арлекина...*

(Перевод Е. Солоновича) [2, с. 20]

*Insomma a toppe come un arlecchino* [3, р. 43]

В поэме-шутке Джусты аллегоричность и гротеск дают особый пример романтической иронии. При этом в поэме есть и самоутверждение: Сапог ещё надеется *дать пинка под зад / lo pigliereto a calci nel sedere* [3, р. 43] своим чужеземным властителям. Идея единства страны высказана в последней строфе:

*Тогда желаньем поделюсь заветным,  
Что жажду цельным быть и одноцветным.*

(Перевод Е. Солоновича) [2, с. 20]

*Fatemi, con prudenza e con amore,  
tutto d'un pezzo e tutto d'un colore* [3, с. 43].

Эти строки написаны в 1836 году, до объединения Италии, «пусть ещё неполного», осталось 25 лет.

Одно из ярких творений Джусты – стихотворение *Il Brindizi di Girella / «Тост Вертушки»*. И снова гротеск: деревянная кукла и она же – современный итальянец, они сходны в одном – умеют вертеться. Сколько раз менялись режимы в Италии, столько же раз менялись убеждения Вертушки, и он приветствует всех, кто умеет так же поспевать за модой в политике. Здесь ирония Джусты переходит в гневный сарказм.

Сатира Леопарди, сложившаяся в последний период его творчества, заметно отличается от сатиры Джусты, ирония Леопарди проникнута скорбью. К тому же этот поэт обращается к крупному жанру, создает незадолго до кончины поэму «Паралипомены к Батрахомиомахии» / *I Paralipomeni della Batracomiomachia* и сатирическую «Палинодию» / *Palinodia*, где полемизирует с историком Джино Каппони. Но есть у Леопарди созвучие с Джустой, оно заметнее всего в маленькой поэме Леопарди *Nuovi Credenti / «Новые верующие»*.

Здесь тот же образ «вертушки», но теперь в области вероисповедания. Во времена Наполео-

на многие представлялись вольнодумцами, скептиками. А вот теперь, когда новый режим установил прочное господство католицизма, вчерашние вольнодумцы сделались ревностными католиками. Леопарди был атеистом, но в своих стихотворениях никогда не позволял себе непочтительно говорить о христианском боге, довольствуясь насмешками в адрес античных богов. В «Новых верующих» он иронизирует над теми, кто меняет свои убеждения в согласии с господствующим политическим режимом.

Оба поэта воспринимали рабскую зависимость сознания от социальной конъюнктуры как величайшее зло современного общества, рабство духа.

Поэма *I Paralipomeni della Batracomiomachia / «Паралипомены к Батрахомиомахии»* следует своему архетипу – древнегреческой героикомической эпосе о войне мышей и лягушек. В основе её композиции – антитеза великого и смешного в истории человечества, противопоставление и тождество. И в этой поэме использована аллегория, Италия представлена в образе страны Мышатии, покоренной воинственными крабами:

*Жандармы мы и палачи Европы  
И знаем дело – молвил генерал.*

(Перевод А. Махова) [4, с. 397]

*Noi, disse il General, siam birri appunto  
D'Europa e boia e professiam quest'arte* [4, р. 396].

Завладев Мышатией, крабы проводят реформы: грамотность объявлена вне закона, кто хочет научиться писать, должны подавать прошение, чтобы им разрешили научиться грамоте. Автор поэмы «Паралипомены к Батрахомиомахии» представляет поработителей Мышатии грубой воинской силой и врагами просвещения. Противниками и ненавистниками культуры. И при этом по законам гротеска эти безграмотные громили всего лишь крабы.

В «Паралипоменах к Батрахомиомахии» обе воюющие стороны представлены маленькими зверушками – крабы и мыши, но звериная деталь обыгрывается реалистично. Генерал крабов хвалится тем, что у них прочная кожа и нет ни лба, ни мозга – в том и состоит их величие. Дипломатический представитель от Мышатии появился перед крабами в очках на носу – крабы подивились: они никогда не видели мышью в очках.

Конечно, мышьяная интеллигенция представлена с иронией, но в этой иронии рядом с насмешкой есть и доля симпатии автора к мы-

шиному интеллигенту. Изображение воинствующих крабов однозначно отрицательное – «звезюги». А мыши трусливые и покорные, при этом амбициозные и мнительные и все же привлекательные хотя бы тем, что они побежденные, Леопарди применяет здесь столь характерную для романтизма самоиронию.

Итальянская романтическая сатира имеет много оттенков. Часто применяются аллегория и гротеск, откровенная сатира с шуткой и самоиронией. Современность часто соотносится с историей или мифологией. Это свойственно итальянскому менталитету, а поэт, писатель, кинорежиссёр XX века Пьер Паоло Пазолини как-то назвал Н. С. Хрущёва новым Брутом в его русском варианте. Итальянская ирония нередко апеллирует к античности.

Первое провозглашение Италии как единого государства состоялось в марте 1861 года, тогда объединение не было ещё полным, с тех пор прошло 150 лет, но не забыта поэзия романтической поры, в частности и романтическая са-

тира с её озорной и грустной иронией. Поэтическое произведение Джусты и Леопарди переведены на русский язык ещё в XIX веке. В 1991 году вышел сборник, в котором стихотворения Джусты вышли в новых переводах Е. Солоновича, Е. Костюкович, А. Рогова. Сатирические поэмы Леопарди «Новые верующие» и «Паралипомены к Батрахомиомахии» впервые переведены на русский язык в самом начале XXI века А. Маховым [4].

Причудливый художественный мир итальянской романтической сатиры близок к современному художественному мышлению.

#### *Список литературы*

1. Сапрыкина Е.Ю. Сатира и шутка в стихотворениях Джузеппе Джусты // Джусты Дж. Шутки: Стихи и поэмы. М.: Наука, 1991, 348 с.
2. Джусты Дж. Шутки. М.: Наука, 1991. 352 с.
3. Giusti G. Poesie. Milano, 1950. 130 p.
4. Леопарди Дж. Поэзия. Билингва. 2-е изд. М.: Наука, 2011, 603 с.

## ROMANTIC IRONY IN THE ITALIAN POETRY OF THE 19<sup>TH</sup> CENTURY

*I.K. Poluyakhtova*

Peculiarities of romantic irony are considered in the poetry of the Italian poets of the 19<sup>th</sup> century Gioacchino Belli, Giuseppe Giusti and Giacomo Leopardi. It is argued that the bizarre artistic world of Italian romantic satire is close to the modern artistic thinking.

*Keywords:* romantic irony, satire, grotesque, Italian poetry.